

Ж 1453
№ 11
1956 г.

ЗНАМЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

11

1 9 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВ»

ЗНАМЯ

26-й год издания

КНИГА
ОДИННАДЦАТАЯ
НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Павел НИЛИН — Жестокость, повесть	3
Борис РАХМАНИН — Поле боя, стихи	62
Степан САРЫГ-ООЛ — В моей Москве, стихи. Авторизованный перевод с тувинского Е. Старининой	63
Визбул БЕРЦЕ — Вышли мы все из народа, роман. Продолжение. Авторизованный перевод с латышского С. Марковой	64
Николай МАЙОРОВ — Памятник, цикл стихов	127

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКИХ ДНЯХ

П. МАЛЬКОВ — В Октябрьские дни	132
--	-----

ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

В. ГИЛЛЕР — Во имя жизни (Из записок военного врача). Окончание	147
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. СВЕТОВ — Люди великой революции	177
Ольга ЗИВ — В те далекие годы	184
Ю. МАНН — Юному читателю — о художниках революции	189
Л. ЛЕВИН — По страницам альманаха «Советское Приморье»	193

Заметки на полях

Схема с инкрустациями	202
Новые книги	205

ПАМЯТНИК

Пятнадцать лет тому назад, зимою 1940—1941 гг., в Литературном институте имени М. Горького работал поэтический семинар, объединявший студентов одаренных и самобытных, истово рвавшихся к поэтическому творчеству. Будущее показало, что многие из них действительно стали поэтами. В семинаре господствовала атмосфера горячая и чистая — уважение друг к другу, хозяйская забота о судьбах нашей поэзии.

Сейчас я плохо помню, как выглядел внешне, в какой пиджак был одет студент-историк Николай Майоров, читавший свои стихи глуховатым, низким голосом. Был он, кажется, выше среднего роста, с лицом серьезным и сосредоточенным, был немногословен и чуть неуклюж. В стихах его звучала воспитанная самой жизнью, а не вычитанная в книгах, обязательных для студента-историка, любовь к истории родной земли.

Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был резко очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу. Его лирика, повествующая об искренней мужской любви, органична в этом поэтическом мире.

Осенью 1941 года, как и многие другие его сверстники-студенты, Николай Майоров пошел добровольцем в армию и пал смертью храбрых.

...И вот сейчас, через пятнадцать лет, передо мною лежат стихи Николая Майорова, написанные уже в дни войны, в армии. В них легко узнать автора, круг его излюбленных образов, с тою только разницей, поистине огромной разницей, что история для Майорова перестала быть рассказом о прошлом. Она превратилась в его собственную военную судьбу, сделалась историей, творимой рядом с ним такими же, как он, а отчасти и им самим. Он увидел как бы со стороны самого себя и поколение, к которому принадлежал, увидел исторически. В этом интерес и своеобразие этих надежно построенных, оправданных военным подвигом строк и строф.

После Николая Майорова осталось много стихов, часть их публикуется на этих страницах.

Стихи Николая Майорова уже не постареют, точно так же, как не постареет их автор, погибший в молодости и навсегда оставшийся молодым.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

«Это время
трудновато для пера».
Маяковский.

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы,—
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам придти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.

Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово Человек!

Памятник

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

И надписи отгранивать им рано —
Ведь каждый, небо видевший, читал,
Когда слова высокого чекана
Пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
Хотя мотор и сдал на полпути,—
Остановись, взгляни прямее в небо
И надпись ту, как мужество, прочти.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память ими взятой высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

Отцам

Я жил в углу. Я видел только впалость
Отцовских щек. Должно быть, мало знал.
Но с детства мне уже казалось,
Что этот мир неизмеримо мал.

В нем не было ни Монте-Кристо,
Ни писем тайных с желтым сургучом.
Топили печь, и рядом с нею пристав
Перину вспарывал литым штыком.

Был стол в далекий угол отодвинут.
Жандарм из печки выгребал золу.
Солдат худые, сгорбленные спины
Свет заслонили разом. На полу —
Ничком отец. На выцветшей иконе
Какой-то бог нахмурил важно бровь.
Отец привстал, держась за подоконник,
И выплюнул багровый зуб в ладони,
И в тех ладонях застеклилась кровь.

Так начиналось детство...
Падая, рыдая,
Как птица, билась мать, и наконец
Запомнилось, как тают, пропадают
В дверях жандарм, солдаты и отец...
А дальше — путь сплошным туманом застлан,
Запомнил только: плыли облака
И пахло деревянным маслом
От желтого, как лето, косяка.
Ужасно жгло. Пробило все навылет
Жарой и ливнем. Щедро падал свет.
Потом войну кому-то объявили,
А вот кому — запомятовал дед.

Мне стал понятен смысл отцовских вех —
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

Рождение искусства

Приду к тебе и в памяти оставлю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярославля
И древний запах бронзовых волос.
Все это так на правду непохоже
И вместе с тем понятно и светло,
Как будто я упрямее и строже
Взглянул на этот мир через стекло.
И мир встает — столетье за столетьем,
И тот художник гениален был,
Кто совершенство форм его заметил
И первый трепет жизни ощутил.
И был тот час, когда, от стужи хмурый,
И грубый корм свой поднося к губе
И кутаясь в тепло звериной шкуры,
Он в первый раз подумал о тебе.

Он слушал ветра голос многоустый
И видел своды первозданных скал.
Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
И образ твой в пещере изваял.

Пусть истукан массивен был и груб
И походил скорей на чью-то тушу,
Но человеку был тот идол люб:
Он в каменную складку губ
Все мастерство вложил свое и душу.
Так, впроголодь живя, кореньями питаюсь,
Он различил однажды неба цвет.
Тогда в него навек вселилась зависть
К той гамме красок. Он открыл секрет
Бессмертья их. И где б теперь он ни был,
Куда б ни шел, он всюду их искал.
Так, раз вступив в соперничество с небом,
Он навсегда к нему возревновал.

Он гальку взял, и так раскрасил камень,
Такое людям бросил торжество,
Что ты сдалась, когда, припав губами
К его руке, поверила в него.
Вот потому ты много больше значишь,
Чем эта ночь в исходе сентября.
Мне даже хорошо, когда ты плачешь,
Сквозь слезы о прекрасном говоря.

Что я видел в детстве

Косых полатей смрад и вонь.
Икона в грязной серой раме.
И средь игрушек детский конь
С распоротыми боками.
Гвоздей ворованных полсвязки.
Перила скользкие. В углу
Оглохший дед. Заполночь — сказки.
И кот, уснувший на полу.
Крыльцо, запачканное охрой.
И морды чалых лошадей.
Защитый бредень. Берег мокрый.
С травой сцепившийся репей.
На частоколе черный ворон,
И грядки в сорной лебеде.
Река за хатую у бора,
Лопух, распластанный в воде.
Купанье,— и попытка спеться.
На берегу сухая дрожь.
Девчонка, от которой ждешь
Улыбки, сказанной от сердца.

...Все это шло, теснилось в память,
Врывалось в жизнь мою, пока
Я не поймал в оконной раме

В тенетах крепких паука.
О, мне давно дошло до слуха:
В углу, прокисшем и глухом,
В единоборстве билась муха
С большим мохнатым пауком.
И понял я, что век от века,
Не вняв глухому зову мук,
Сосал, впиваясь в человека,
Огромный холеный паук.

И я тогда, даваясь от злобы,
Забыв, что ветер гнал весну,
Клялся, упершись в стенку гроба,
В котором отчим мой уснул,
Клялся полатами косыми,
Страданьем лет его глухих,
Отмщеньем, предками босыми,
Судьбой обиженного сына,
Уродством родичей своих,—
Что за судьбу, за ветошь бедствий
Спрошу я много у врага!

...Так шло, врывалось в память детство,
Оборванное донага.

Август

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблснь, где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.
Не потому ль, что тени не хватало,
Казалось мне, вселенная мала?
Движения замедленны и вялы,
Во рту иссохло. Губы, как зола.
Куда девать сторающее тело?
Ближайший омут светел и глубок,—
Пока трава на солнце не сгорела,

Войти в него всем телом до предела
И ощутить подошвами песок!
И в первый раз почувствовать так
близко

Прохладное спасительное дно —
Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды
(А жизнь идет!),— все глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилии, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.
Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

